

Мировая проблема угля

После того как грандиозная стачка английских горняков в 1926 г. приковала внимание широчайших кругов к вопросам угольной промышленности для каждого стало ясно, что болезни мирового угольного производства, столь резко вскрывшиеся в Англии, имеют, повидимому, очень значительные и очень глубоко идущие корни, что угольная промышленность является едва ли не самым угрожающим и, во всяком случае, самым слабым местом мирового капиталистического производства.¹ Не слишком часты были в новейшей истории капитализма подобного рода случаи, когда кризис одной промышленной отрасли рождал социальные потрясения такой гигантской силы.

Неправильно было, конечно, великую стачку 1926 г., с неожиданной резкостью пробудившую лучшие традиции чартизма, целиком сводить, как это обычно делалось у нас, к затруднениям в мировой и британской углепромышленности: основные движущие силы, вызвавшие этот взрыв классовой борьбы, лежат глубже, в общих экономических и социальных противоречиях капитализма, в данном случае — обострившихся конкретно в угольную проблему. Но судить о важности и сложности этой проблемы по размерам катастрофы 1926 г. в Англии можно, конечно, с полной определенностью. Эта катастрофа и должна служить основной предпосылкой для такого суждения, в свою очередь, наталкивающего на целый ряд крупных факторов, сопряженных или совпадающих с мировой угольной проблемой.

„Кризис угольной промышленности принимает мировые размеры. Он представляет собою составную часть всеобщего мирового кризиса перепроизводства“, — говорит тов. П. Лапинский в своем превосходном исследовании о „Мировом кризисе угля“, написанном за год до английской стачки.² Здесь отмечена связь и соответствие угольного кризиса с общим то падающим, то поднимающимся кризисом мировой капиталистической экономики; в этом отношении проблема угля не вызывает никакого специального внимания. Но она носит помимо того также ряд сугубо специфических, ей одной свойственных черт, в основном отлично констатированных П. Лапинским. Эти специфические факторы — главная особенность угольной проблемы. Мало того, при ближайшем рассмотрении оказывается, что они знаменуют собой истоки и брожение в недрах капиталистического хозяйства совершенно новых технико-экономических процессов, принимающих подчас размах и характер подлинной промышленной революции. Оказывается, далее, что уголь

¹ Чтобы лишним раз отметить всеобщую и даже определяющую временами роль угольного кризиса, напомним, кстати, что „самая крепкая цепь не может быть крепче самого слабого своего звена“ (из ст. М. П. Павловича в „Новом Востоке“, № 3, 1923 г.). Угольная проблема в капиталистическом производстве представляется во многих отношениях соответствующей этому звену.

² П. Лапинский. „Мировой кризис угля“, М. Л. 1926 г. (Ранее эта работа появилась в „Международной Летописи“, № 8—9, 1925 г.).

в огромной степени несет на себе издержки этой технической революции. И в этом также важнейшая особенность угольной проблемы.

В том виде, в каком она представляется ныне, т.-е. прежде всего в виде хронического кризиса сбыта угля, угольная проблема выступила фактически только в 1921 г. Поступательно расширяясь, кризис был на время ликвидирован Рурской оккупацией 1923 г., ею заключается первый этап на пути развития кризиса. После Рурской оккупации кризис угля возобновился на расширенной основе. Английская забастовка 1926 г. приносит новую передышку; в ней кризис находит конец второго этапа своего развития.

На другой день после английской забастовки он возобновился снова. Факты говорят, что он возобновился в еще более расширенном масштабе. Нынешнее положение — это расцвет угольного кризиса на его третьем этапе.

После великой стачки 1926 г.

Когда председатель Королевской угольной комиссии, сэр Герберт Самюэль, в своем выступлении 20 июня 1927 г. констатировал, что положение мирового угольного рынка и, в особенности, положение угольной промышленности Англии вновь возвращается к тому, которое было до стачки шахтеров, заявление его прошло незамеченным, не вызвав ни откликов, ни беспокойства. Беспокойство, впрочем, оказалось еще преждевременным. Слишком реально было еще ощущение факта снижения заработной платы и удлинения рабочего дня углекопа, что дало возможность английскому предпринимателю понизить себестоимость угля и, следовательно, усилить конкурентоспособность его на внешних рынках; достаточно отчетливо давали еще себя чувствовать благоприятные для стран-экспортеров условия угольного голода, порожденные прекращением британской добычи угля в течение 210 дней стачки.

Но прореха почти в 120 млн. тонн, образовавшаяся в мировой продукции угля за 1926 г., в результате забастовки английских горняков заполнялась очень быстро. За тот же 1926 г. основные страны-производительницы увеличили свою продукцию в общей сложности не менее, чем на 50 млн. тонн. Заметно выросла также за этот период молодая угольная промышленность колониальных и полуколониальных стран. За весь 1926 г. добыча угля в Азии достигла 75,7 млн. тонн (в 1925 г. — 71,7 млн.), в Австралии — 21,0 млн. (18,7),¹ в Южной Африке — 12,5 млн. (11,8).² Северная и Южная Америка увеличила добычу угля за 1926 г. на 73,3 млн. тонн (614,4 млн. против 541,1 млн. в 1925 г.).¹

С возобновлением добычи в Англии, мировой угольный рынок вновь быстро пошел по направлению к своему старому кризису сбыта. Этому способствовало еще и то, что добыча в Англии возобновилась в размерах, превосходивших дозабастовочные. В первом полугодии 1927 г. добыча составила 130,2 млн. тонн против приблизительно 124 млн. тонн за соответствующее полугодие 1921 г.

В то же время добыча угля в остальных странах, получив поступательный толчок во время английской стачки, продолжала расти и после нее. Добыча в Германии достигла за 1927 г. 153 млн. тонн (против

¹ „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“. Herausgegeben von der Dresdner Bank, Berlin, 1927, S. 43.

² „The Economist monthly supplement“, January, 1928, p. 5.

145 млн. в 1926 г.), в Бельгии—27 млн. (25 млн.) тонн, в Польше—38 млн. (36 млн.) тонн и т. д. Исключение составляют Соед. Штаты, в которых добыча угля сократилась за 1927 г. почти на 90%, что в значительной степени объясняется забастовками на угольных предприятиях.¹

Экспорт достиг соответственных размеров. Вывоз каменного угля из Англии за первое полугодие 1927 г. составил 26,3 млн. тонн—на 7,4 млн. тонн больше, чем за то же полугодие предыдущего года, когда забастовка еще не отразилась на экспорте. Германия экспортировала в первое полугодие 1927 г. 14 млн. тонн—на 5 млн. больше, чем за тот же период 1926 г.

Но опустошенные на время рынки потребления угля быстрыми шагами приближались к насыщению. Все более сокращавшиеся возможности сбыта стали наносить вздувшемуся за первые послезабастовочные месяцы вывозу угля жестокие удары. Уже к концу второго квартала 1927 г. стали обнаруживаться тенденции к сокращению вывоза угля из главных стран. Принимавшиеся в виду осложнившейся конъюнктуры правительства некоторых стран мероприятия по ограждению собственной углепромышленности от иностранной конкуренции, в частности—изданный 8 мая французским правительством декрет об ограничении ввоза во Францию угля и кокса,—дали этим тенденциям лишний толчок.

В Англии за первую половину 1927 г. остаток угля на внутреннем рынке составил свыше 50 млн. тонн. За первые месяцы 1928 г. эта цифра выросла уже, по заявлению в Палате общин представителя министерства горной промышленности Кинга, до 80 с лишним миллионов тонн—рекордная цифра последних лет.

Начавшееся в связи с этим резкое сокращение добычи угля мало помогало положению. Возможности сбыта продолжали суживаться еще быстрее. Все более накапливавшиеся в угольных районах Европы штабеля не находившего потребителей угля с возрастающей силой давили на рыночную конъюнктуру. Началось неуклонное падение цен.

Наиболее резко падение цен сказалось, конечно, в Англии—этой классической стране угольного кризиса. В среднем, экспортная цена на английский уголь упала с 27 шиллингов в конце 1926 г.—первые послезабастовочные дни—до 18½ шилл. в июне 1927 г. Средняя цена за тонну вывозного угля в январе 1928 г. упала до 15 шиллингов 7 пенсов, а в июне даже до 13½ шиллингов—самая низкая цена со времени окончания войны. Ни Рур, ни прочие области—поставщики угля—не на много отставали от Англии. В условиях все более ожесточенной, в соответствии с сжимающимся сбытом, конкуренцией цены на уголь не могли, конечно, обнаружить никаких тенденций к укреплению и, тем более, к росту.

В цифрах безработицы среди шахтеров, возобновившийся кризис угля находит еще более яркое выражение. В Нортумберланде, например, к концу 1928 г. не менее 35% всех горняков являлось безработными. В одном издании, выпущенном недавно совместно конгрессом тред-юнионов, рабочей партией и федерацией углекопов, констатируется,—и это повторил упомянутый выше Кинг,—что „по общепринятому взгляду в угольной промышленности имеется в настоящее время излишек рабочей силы в 200—250 тыс. человек“. Один из крупных углепромышленников Англии, Джон Гибсон, в своем выступлении на собрании Шотландской филии Национальной ассоциации шахтовладельцев в начале 1928 г. был еще более категоричен: по его заявлению, в английской угольной промышленности 150 тыс. безработных, 750 тыс. работающих нерегулярно

¹ „The Statist—half-yearly Banking and Commercial Review“, 1928, p. 22.

250 тыс. рабочих, нагрузка которых также не вполне достаточна.¹ Другими словами, он признавал в той или иной степени задетыми безработицей всех углекопов Англии.

Возвращение мирового угольного кризиса, после недолгого отсутствия, в лоно капиталистического хозяйства предстало с неоспоримой очевидностью.² Потрясение, произведенное 7-месячной стачкой, не принесло, в конце концов, благоприятных результатов. Ликвидация мелких шахт, концентрация угольной промышленности, реконструкция устарелого оборудования в ней,—а именно на такие последствия стачки возлагались в Англии не малые надежды—не оказались в состоянии ни предупредить, ни заметно смягчить рецидива. Банкротство таких надежд было, впрочем, заранее предопределено. Ведь угольный кризис—кризис не только английского масштаба, и тяжесть его испытывала и испытывает с большей или меньшей силой любая экспортирующая страна, вне сколько-нибудь значительной зависимости (понятно, последнюю нелепо совершенно исключать) от организации самой добычи угля. Более того, существо угольного кризиса исключает, по видимому, возможность существования мощной и высоко развитой угольной промышленности и угольного капитала; рахитичность последнего резко выпячивается во всей „системе“ капитализма.

А в английском парламенте, между тем, вновь раздаются успокаивающие заверения правительства о сокращении местных налогов по отношению к углепромышленникам и о снижении железнодорожных тарифов на перевозку угля (правда, о субсидиях уже, или еще, не говорят). Старый, но знаменательный и давно уже продемонстрировавший свои „целебные“ свойства рецепт!

Как развивался кризис

Дни рурской оккупации 1923 г. были золотыми днями для мировой (за вычетом Германии, конечно) угольной промышленности. Уход с международного рынка огромного германского экспорта угля, германской конкуренции, более того—появление в лице Германии нового, колоссальной емкости рынка для сбыта угля,—явились могучим стимулом к подъему мировой угольной промышленности. За 1923 г. добыча угля в Англии достигла предвоенного уровня, а экспорт превысил размеры 1913 г. ни более ни менее, как на 40%. Одна Германия поглотила около 20% британского угольного вывоза. Не столь ярко эта полоса высокой конъюнктуры пронеслась над углепромышленностью всех руководящих стран.

Прекращение рурской оккупации, возобновление добычи угля в Германии, выход германского угля на внешний рынок—изменили положение. Конец рурской оккупации был началом угольного кризиса. Собственно, первые признаки кризиса имели место гораздо раньше. Уже в 1921 г. был последний годом, в особенности для Англии, процветания угольной промышленности, как, впрочем, и всей тяжелой индустрии

¹ „The Iron & Coal Trades Review“, February 17, 1928, p. 224. Цифра безработных шахтеров в 150 тыс. чел., несомненно, преуменьшена. Немецкий „Kohle und Erz“ (№ 5, 1928) определяет число безработных углекопов в Англии в 230 тыс. чел.; он указывает далее, что во всей угольной промышленности Англии занято 980 тыс. раб. против 1.120 тыс. накануне забастовки 1926 г. К концу 1928 года в английской углепромышленности насчитывалось не менее четверти миллиона безработных.

² Превозглашенная в подобной же обстановке год тому назад Франком Ходжсоном „Era of prosperity from coal“ („Manchester Guardian“, 5 декабря 1927 года), она производит впечатление шутки, которая должна звучать довольно зло для британских шахтовладельцев.

в капиталистическом хозяйстве. В дальнейшем угольный кризис развивался параллельно с общим мировым кризисом перепроизводства, наиболее катастрофическим участком которого он являлся.

Цифры угольного экспорта и развития цен на уголь служат превосходной иллюстрацией кризиса. В 1925 году экспорт угля из Англии сократился по сравнению с предвоенным периодом на 23 млн. тонн, из Германии — на 12,1 млн. тонн, из Соед. Штатов — на 2,3 млн. тонн, из Бельгии — на 2,5 млн. тонн, из Голландии — на 3,3 млн. тонн. В общем, экспорт угля из 6 руководящих стран (перечисленные плюс Франция) уменьшился с 141,6 млн. тонн в 1913 г. до 101,5 млн. тонн в 1925 г.¹ Весь мировой вывоз каменного угля уменьшился за этот отрезок времени с 163 млн. тонн до 136 млн. тонн; общемировой угольный экспорт составил, таким образом, в 1925 г. лишь 83% его в 1913 г.²

Развитие цен на уголь после рурской оккупации как в зеркале отражает нарастание кризиса, разрешившегося взрывом 1926 г. в Англии (в марках):³

Годы	Англия (вывозн. уголь)	Германия	Франция	Бельгия	С. Штаты
1913	13,20	12,34	16,61	14,99	5,69
1924	21,90	18,18	18,51	20,43	9,69
1925	19,20	14,98	16,88	21,75	9,54
1926	18,80	14,88	14,89	18,50	10,16

Изменение индекса цен на уголь представляется за этот период в следующем виде (1913 г. = 100):⁴

	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Германия	192	192	124
Франция	115	115	80
Бельгия	144	145	133
Англия	180	137	123
С. Штаты	—	130	191
Польша	132	147	76
Чехо-Словакия	196	179	175

За исключением С. Штатов падение, как видим, неуклонное.

Высокая конъюнктура периода рурской оккупации в первые же дни после ее прекращения рассеялась как дым. Затруднения сбыта извне, организационная и техническая отсталость изнутри⁵ продолжали подтачивать угольную промышленность. Рурская оккупация внесла в развитие кризиса лишь передышку, столько же кратковременную, как и благоприятную. Положение повторилось в дни английской стачки. В обоих гигантских эпизодах на пути развертывания мирового угольного кризиса сыграл роль по существу один и тот же (с точки зрения влияния этих „эпизодов“ на углепромышленность) фактор, принявший в первом случае форму паралича рурской угледобычи, во втором — форму паралича угледобычи английской. Обе волны подема мировой угольной конъюнктуры — в 1923 г. и 1926 г. — обязаны своим появлением искусственному резкому сжатию поступления угля на рынки благодаря приостановке деятельно-

¹ „The Economist“, 25 февраля 1928 г., стр. 372.

² „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, стр. 41.

³ М. Heinz, „Wie haben sich die Kohlenpreise entwickelt?“ („Kohle und Erz“, № 7, 1928).

⁴ „Memorandum sur l'industrie du charbon“ („Conférence Economique Internationale“), Vol. I, Genève, 1927, p. 16.

⁵ По сравнению с 1913 г. издержки производства в английской угольной промышленности возросли к 1925 г. на 90,5%.

сти главных поставщиков его; Германия дает четверть мирового экспорта угля, Англия почти половину.

Это лишний раз подчеркивает характер угольного кризиса, как кризиса жесточайшего и хронического перепроизводства.

Закат угля

Д-р Любке в своей яркой, но опровергнутой последующей действительностью работе „об умирающем угле“,¹ основываясь на факторах бешеного роста потребления угля за довоенные и военные годы и на уменьшающихся запасах его, констатировал угрозу истощения угольных ресурсов и наступления угольного голода.² Но процессы послевоенные носили совершенно противоположный характер. Они принесли замедление и падение потребления угля при продолжающемся росте общемировой продукции, катастрофическое перепроизводство его. Вопрос об умирающем угле снова предстал во весь свой рост, но уже в совершенно ином виде. Вместо угрозы угольного голода обнаружился факт падающей потребности в угле.

Две силы — увеличение мировой угледобычи и быстрое, не только относительное, сокращение потребления угля — вот непосредственные источники угольного кризиса, угольной проблемы. Рост продукции угля очевиден. В 1927 г. она составила 1.924,4 млн. тонн по сравнению с 1241,7 млн. тонн в 1913 г.³ и 1122,8 млн. тонн в среднем ежегодно за 1909—13 гг.⁴ Продукция 1927 г. является рекордной в истории мировой углепромышленности.

Этого отнюдь нельзя сказать о потреблении. Развитие последнего обнаруживает совершенно обратные тенденции. Несмотря на могучие процессы индустриализации внеевропейских стран, несмотря на рост населения общемировое потребление угля продолжает сползать вниз, в лучшем случае, едва удерживаясь на уровне, бывшем 15 лет тому назад. Собственно, уже в 1913 г. над мировой углепромышленностью пронесся первый тревожный сигнал, поданный Европой, но оставшийся, впрочем, совершенно незамеченным: в этом году европейская продукция угля составила 691 млн. тонн, потребление — 621 млн. тонн, на 70 млн. тонн меньше! Эта угрозаяющая трещина между добычей и потреблением угля в истекшем году резко расширилась. За 1927 г. добыча угля в Европе составила 733 млн. тонн — на 7% выше предвоенного уровня, а потребление угля — 652½ млн. тонн, лишь на 0,7% выше уровня 1913 г. Разница между производством и потреблением возросла с 70 млн. до 107½ млн. тонн.⁵

Мировое потребление бурого и каменного угля (бурый уголь перечислен здесь в каменный) составило в 1926 г. 1231,6 млн. тонн против 1254,6 млн. тонн в 1913 г., т.е. упало приблизительно на 3—4%.⁶

При рассмотрении потребления угля на душу населения процесс снижения предстает особенно выпукло. В С. Штатах потребление угля

¹ Anton Lübke, „Die sterbende Kohle“ (Das kulturelle und wirtschaftliche Schicksal Europas), Regensburg, 1925 (4525).

² Этот взгляд был, собственно, общепринятым в первый послевоенный период; именно это обстоятельство продиктовало союзникам возложение на Германию обязательств по репарационным поставкам угля. Несомненной представляется также роль этого стимула в рурской оккупации.

³ „The Economist“, 25 февраля 1928 г., стр. 371.

⁴ „Memorandum sur l'industrie du charbon“, Vol. I, p. 16.

⁵ Benhold, „Bericht über die Lage der Kohlenwirtschaft“ („Kohle und Erz“, № 10, 1928, стр. 361).

⁶ „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, стр. 95.

на 1 жителя упало с 5,9 тонн в 1913 г. до 4,4 тонны в 1925 г., в Канаде оно сократилось за этот промежуток времени с 4,0 до 2,6 тонн, в Англии — с 4,2 до 3,9 тонн, в Германии — с 2,6 до 2,2 тонн.¹

В то же время общемировое производство энергии, как увидим ниже, резко возросло по сравнению с довоенным уровнем. Единственный вывод напрашивается сам собой: доля угля в выработке единицы энергии круто упала вниз.

Все эти данные говорят об одном из крупнейших противоречий послевоенной капиталистической экономики: падение мирового потребления угля сопровождается ростом его производства. Все более расширяющийся разрыв между продукцией и потреблением угля обнажает существо мировой угольной проблемы. Она обуславливается целым рядом могущественных факторов.

Корни проблемы

В силу того характера продукта углепромышленности, который делает потребление этого продукта повсеместным и бесконечно многообразным, угольная промышленность оказывается тесно связанной едва ли не в большей степени, чем любое иное производство, буквально со всеми областями и отраслями мирового хозяйства. И великая трагедия угля находит свое выражение в том, что он вынужден неизбежно и, повидимому, безвозвратно оставлять свои позиции одну за другой под натиском новых условий и новых более могущественных врагов.

Как на одну из основных причин угольного кризиса часто и подробно указывалось на недогрузку мировой металлургической промышленности. Несомненно, что суживание производства железа и стали — этого крупнейшего потребителя угля — оказывает очевидное отрицательное влияние на углепромышленность. Но фактически угольный кризис нисколько не ослабевает в период подъема металлургического производства, и колебания последнего перестают, таким образом, исчерпывающе объяснять что-либо в характере угольного кризиса.

Ведь несмотря на то, что мировая выплавка железа и стали (по данным „Iron and Coal Trades Review“), составившая в 1927 г., соответственно, 85,0 и 99,1 млн. тонн, возросла для стали на 8,2% против 1926 г. и на 32,7% против 1913 г., для железа — приблизительно на 9,8% по сравнению с 1926 и 1913 гг., несмотря на это, угольный кризис был в 1926 г. неизмеримо велик по сравнению с положением 1913 г., а в 1927 г. гораздо сильнее, чем в 1926 г. Между тем, добыча угля возросла по отношению к предвоенному периоду относительно не больше чем выплавка железа и стали.

Действительно характернейшее значение имеет все более широко практикующиеся в металлургии рационализация и усовершенствование доменных процессов, сводящиеся к более экономному сжиганию угля, к утилизации газов, получающихся в результате этих процессов; последнее, в свою очередь, ведет к дальнейшей экономии в потреблении угля. Усовершенствования механических топков — лишняя гиря на этой чашке весов. Использование во все более широком масштабе низкосортных, в частности бурых углей увеличивает общую массу напирającego на рынок угля;² конкуренцией между бурым и каменным углем усугубляется его общее положение. Яркий факт в этой области — начатое в штате Огио американской компанией „National Tube Corporation“ производство

¹ „Memorandum sur l'industrie du charbon“, vol. I, p. 10.

² Мировая добыча бурого угля в 1926 г. превысила на 27% уровень 1913 г.

высокосортного чугуна при помощи распыленного бурого угля непосредственно из руды с низким, менее чем 40%, содержанием железа; себестоимость получаемой из этого чугуна стали оказывается на $\frac{1}{3}$ ниже обычного.

Все это вырастает, впрочем, далеко за пределы металлургического производства. Здесь вообще выступает на сцену фактор крупнейшего, отнюдь, не только технического, масштаба: улучшение методов сжигания угля, благодаря чему для получения данного количества энергии в настоящее время затрачивается значительно меньше угля, чем накануне войны и даже несколько лет тому назад.

В первую очередь сюда относится сжигание угля в виде пыли. Огромные преимущества обеспечивают этому методу широкое внедрение в промышленную практику. Совершенно исключительное значение имеет, судя по появляющимся время от времени в европейской печати сообщениям, использование угольной пыли для питания моторов внутреннего сгорания. Топки для пылевидного топлива уже вплотную подошли по своему коэффициенту полезного действия даже к такому топливу, как мазут.

Такие и еще дальше идущие перспективы становятся вполне реальными, если учесть, что поверхность соприкосновения с воздухом для угольной пыли в 1500 раз больше, чем для твердого угля. Практическое применение методов сжигания пылевидного топлива достаточно хорошо иллюстрируется тем фактом, что почти все новые электростанции Франции, а в меньшей степени и Германии, снабжены углелылевыми топками; как правило, ни одна из старых станций, перешедшая к сжиганию пылевидного угля, не возвращается к прежним приемам. Не трудно судить об усиливающемся влиянии и этого фактора на хотя бы и относительное уменьшение общего потребления угля.

Потребление пылевидного угля, конечно, возрастает. В Германии оно увеличилось за 1926 г. с $2\frac{1}{2}$ до 4 млн. тонн. Но это только указывает на то, что уголь может вернуть свое значение, лишь сбросив свою нынешнюю оболочку. Это не делает еще разрешимой проблему угля, как твердого топлива.

Значительная роль в процессе обострения этой проблемы принадлежит развитию газоснабжения. Еще более возрастает она с практикой передачи газа на большие расстояния. Влияние расширяющейся выработки его на увеличение потребления угля для этой цели отступает на задний план перед конкурирующей с углем силой, которую несет с собой этот газ. Уголь встречает врага в своем собственном детище.

* * *

Гораздо более резкое, симптоматичное значение заключается в процессе вытеснения угля иными источниками и видами энергии. Особенно резко бросается в глаза, сравнительно с давних уже пор, успешный поход нефти на старые и, казалось, когда-то неотъемлемые вотчины угля.

Хорошо известен факт постепенного замещения угольного топлива нефтяным на морских судах. За военным флотом, целиком перешедшим на нефтяную топку, следует торговое и пассажирское судостроение. Первый и робкий намек предвоенных лет — 0,6% общемирового тоннажа, приходившегося в 1913 г. на моторные суда — вырос уже в большое мирохозяйственное явление, служащее одним из немаловажных пунктов обвинительного приговора углю. К 1928 г. водоизмещение моторных

судов выразилось в 4.271 млн. тонн, составив 6,5⁰/₀ тоннажа мирового торгового флота; по сравнению с 1914 г. общемировое водоизмещение моторных торговых судов возросло на 1725,2⁰/₀! Помимо того, все более растет число паровых судов, работающих на нефти вместо угля. Тоннаж их достиг к 1928 г. 18.482 млн. тонн—28,3⁰/₀ мирового водоизмещения торговых судов; по отношению к 1914 г. увеличение на 1310,8⁰/₀! В то же время тоннаж работающих на угольной топке судов сократился на 7,6⁰/₀. К 1928 г. водоизмещение строящихся на верфях мира моторных и прочих судов было почти одинаково.¹ Трудно представить себе более красноречивые цифры.

Мировая продукция нефти составила в 1927 г. 1.252.145 баррелей,² превысив на 14⁰/₀ уровень предыдущего года и на 219⁰/₀ продукцию 1919 г.,— темп, оставляющий далеко позади развитие добычи угля. Тем не менее, широчайшие перспективы потребления нефти не могут, конечно, сравниться с перспективами потребления угля, задающего в объятиях перепроизводства.³

Другим могущественным врагом угля выступает электрическая энергия.

На развитие электрификации непосредственно и достаточно отчетливо указывает рост мировой электротехнической промышленности. Стоимость ее продукции составила в 1925 г. 12.307 млн. марок против 4.137 млн. в 1913 г.; если учесть изменение цен по сравнению с предвоенным периодом, то окажется, что стоимость продукции мировой электротехнической промышленности к настоящему времени удвоилась.⁴ Вывоз электротехнических машин и аппаратов из 5 главных стран (Англии, Германии, Соед. Штатов, Франции и Швейцарии) выразился за 1927 г. в сумме 60,4 млн. фунт. стерл. против 32,8 млн. фунт. в 1913 г.⁵

Цифры самой выработки электроэнергии не менее выразительны. В Соед. Штатах, например, выработка электроэнергии достигла в 1927 г. 75,1 млрд. квтч. против 54,4 млрд. в 1924 г. и 14,1 млрд. в 1913 г.⁶ По данным, относящимся еще к 1925 г., в Англии электрифицировано 48⁰/₀ всей промышленности, в Германии—66⁰/₀, в Соед. Штатах—73⁰/₀.⁷ Количество электромоторной силы, действующей в германской промышленности, увеличилось за период 1913—26 гг. в 8 раз—с 1,5 до 12 млн. лощ. сил. Ежегодная мировая выработка электроэнергии приближается уже к гигантской цифре в 200 млрд. квтч.

Интересна тенденция электрификации ж. д. К концу 1926 г. в Германии было электрифицировано 1,7⁰/₀ всей ж.-д. сети, в Швейцарии—15,6⁰/₀, в Италии—4,8⁰/₀, в Швеции—5,9⁰/₀, в Австрии—5,2⁰/₀, в Норвегии—5,9⁰/₀, в Голландии—3,3⁰/₀, во Франции—2⁰/₀ и т. д.⁸ В связи с этим любопытно отметить наблюдающееся в Соед. Штатах падение потребления угля на ж. д. на каждую 1.000 тонно-миль, оно составило

¹ „Glückauf“, 5 мая 1928 г., стр. 571.

² „The Mining Journal“, 3 марта 1928 г., стр. 176.

³ Свою фразу „Капля бензина так же дорога, как капля крови“ (из телеграммы к Вильсону от 17/XII 1917 г.) Клемансо мог бы еще с большим основанием повторить и теперь.

⁴ M. C. Lammert, „Monograph of the Electrical industry“ (эта монография входит в материалы подготовительной комиссии Международной экономической конференции в Женеве).

⁵ „The Economist“, 11/II 1928, p. 267.

⁶ Dr. G. Dehne, „Die Elektrizitätswirtschaft der Ver. St. von Amerika in Jahre 1927“ („Elektrotechnisches Zeitschrift“, 17 Mai 1928, S. 756).

⁷ „The Economist“, 29/X 1927.

⁸ M. C. Lammert, „Monograph of the Electrical industry“.

(в тыс. английских фунтов) в 1920 г.—197, в 1922 г.—186, в 1924 г.—170, в 1925 г.—159 и в 1926 г.—155.¹

Водная сила, колоссально расширяющееся использование ее для производства электроэнергии—еще одна сила, разбивающая благополучие угля. Быстрое развитие мировой гидроэлектрической промышленности—общеизвестно. В Италии, например, мощность гидроэлектрических станций достигла в 1926 г. 4 млн. квтч. с возможным годовым производством энергии до 25 млрд. квтч. Водяная энергия, используемая в Соед. Штатах на 1/I 1928 г., составила 12,3 млн. лощ. сил, показав увеличение за 1927 г. на 575 тыс. лощ. сил. В Канаде используемая водяная энергия достигла к началу 1928 г. 4,8 млн. лощ. сил—прирост за год на 221 тыс. лощ. сил.² То обстоятельство, что внушительная цифра в 30,2 млн. лощ. сил. используемой теперь во всех странах водяной энергии составляет лишь 6⁰/₀ общемировых ресурсов белого угля (497,9 млн. лощ. сил)³ говорит о широте лежащих впереди перспектив. А тот фактор, что каждая лощ. сила водяной энергии дает возможность „сберечь“ 6 тонн угля ежегодно⁴ говорит о новых тяжелых ударах, которыми грозят они углю.

Не приходится, конечно, говорить, что значение угля, как источника энергии, продолжает оставаться колоссальным, что доля его во всей массе используемых в наши дни мировых энергетических ресурсов продолжает сохранять свои гигантские подавляющие размеры. В переводе на каменный уголь, мировая продукция каменного и бурого угля составила в 1925 г. 1.235,0 млн. тонн, нефти—233,7 млн. тонн, использованная водяная сила—120,7 млн. тонн.⁵ Но не менее очевидным представляется и процесс относительного уменьшения доли угля в мировой выработке энергии. В Соед. Штатах, например, распределение произведенной энергии, по источникам ее, разбивалось следующим образом (в %):⁶

Годы	Уголь	Нефть	Газ	Вод. сила
1911—1915	83	9	4	4
1921—1925	70	19	5,5	5,5
1926	67	21	6	6

В то время как потребление угля в Соед. Штатах к 1926 г. почти сохранило уровень в 1913 г., потребление нефти возросло на 126⁰/₀, газа—на 62,5⁰/₀.⁷

Тенденция развития угля—это в основном пока тенденция упадка, и перед этой тенденцией, с полным правом могущей быть замененной более смелым термином—перед этим процессом бледнеют и стираются солидные абсолютные оценки сегодняшнего дня.⁸

¹ „Memorandum sur l'industrie du charbon“, Vol. I, p. 11.

² „Journal of Commerce“, 7/I 1928.

³ „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, стр. 51.

⁴ „Iron and Coal Trades Review“, 16/III 1928, стр. 385.

⁵ „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, стр. 52. При перечислении водяной энергии в каменный уголь составители цифр исходили из той предпосылки, что время использования водяной силы составляет 6.000 часов в год и что один квтч. гидроэлектрической энергии соответствует 1 кг каменного угля.

⁶ „Memorandum sur l'industrie du charbon“, Vol. I, p. 8.

⁷ Ibidem, стр. 11.

⁸ „Важно не то место, которое мы занимаем, а то направление, в котором мы движемся“,—сказал как-то Гоголь. Увы, по отношению к углю эти слова должны звучать довольно таки печально.

Революция угля. Заключительные замечания

Коренной переворот в технике использования угля, несомненно, принес бы разрешение мирового угольного вопроса. Контуры этого грядущего переворота в использовании угля смутно вырисовываются на фоне упорно ведущихся, особенно в Германии, работ по ожигению угля. Начатые в большинстве своем еще до войны лабораторные исследования в этой области Бергиуса, Фишера, Фишера-Тропша — в Германии, Мак Ивена — в Англии, П. К. Кристи — в Америке и т. д. являются уже, по видимому, пройденной стадией этого процесса. Выработка жидкого топлива из угля начинает постепенно выходить на широкую дорогу массового производства.¹

Сооружение концерном „Interessen-Gemeinschaft Farben-Industrie“ на заводах Лейна, осенью 1926 г., крупной установки по ожигению угля было сигналом, возвестившим этот переход от опытов к их практическому применению. Знаменательно в этом отношении выступление руководителя „I.-G.“, Боша, 24 мая 1928 г. на собрании акционеров концерна. Он заявил, что выпуск синтетического бензина достигнет к концу 1928 г. 100 тыс. тонн, а в 1929 г. составит уже 200 тыс. тонн.

Но здесь снова выступают на сцену могущественные соперники угля. Крупнейшие капиталистические группировки, заинтересованные в процветании нефтяной и электрической отрасли промышленности, еще в большей степени заинтересованы в том, чтобы конкурентоспособность угля, как источника энергии, была максимально парализована. Эти группировки ведут глухую ожесточенную борьбу за господство над работами по ожигению угля. Угольный капитал относительно слаб, плохо организован, и факты говорят об успешности этой борьбы.

Достаточно констатировать, что дело ожигения угля протекает вне всякого контроля со стороны угольного капитала: в Германии оно сконцентрировано в руках упомянутого концерна „I.-G.“, который все в большей степени вынужден мириться с „сотрудничеством“ американского „Standart Oil“ (I), а также в руках „Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft“.

* * *

Как бы то ни было, все более широкое использование недавнего сравнительно происхождения видов энергии, новые методы этого использования, вовлечение в орбиту промышленного производства новых энергетических ресурсов, — все эти процессы, влекущие за собой подчас коренную реконструкцию ряда промышленных отраслей (на способах передвижения это проявляется особенно выпукло) или намечающие такую реконструкцию, — служат мощным побудителем к переходу и самого угля на новые пути обслуживания промышленности.² Здесь, прежде всего, речь идет о тенденциях превращения угля в жидкое топливо и — уже меньшего принципиального значения — о тенденциях сжигания его в виде пыли. В этом переходе — ликвидация вопроса об „умирающем угле“. Закат угля представляется уже только закатом угля, как твердого топлива.

Эти первые предпосылки революции угля и победоносное шествие новых энергетических факторов выступают как отдельные, сталкиваю-

щиеся между собой стороны какого-то, в то же время, единого процесса. Здесь намечается гигантского, еще смутно пока уясняемого значения тенденция к переходу мировой промышленности на новую, более совершенную энергетическую базу. Ближе — пока лишь на новые формы использования своей энергетической базы. Этот призрачный качественный изменения мировой экономики — призрачный промышленной революции.¹ Но зарождающаяся в условиях конечного этапа капитализма последняя не находит уже достаточной базы для своего воплощения. И на этот раз она найдет его, совпав фактически с мировой социальной революцией.

Проблема угля, окутывающаяся клубком крупнейших внутрикапиталистических противоречий, является лишь составной, хотя едва ли не важнейшей частью мировой энергетической проблемы. Вместе с последней ее разрешение лежит впереди, по ту сторону граней капиталистического хозяйства.

¹ „Сейчас мы находимся на первом этапе новой промышленной революции, — заключает в своем отчете Угольная комиссия Ллойд-Джорджа в 1925 г., — которая, как и ее предшественница, также происходит в силу применения нового вида энергии — электричества — и новых, более совершенных способов передвижения. Эта вторая промышленная революция неминуемо принесет с собой чистую цивилизацию вместо прежней, запачканной копотью и сажой“. Ллойд-Джордж был бы, конечно, очень разочарован, если бы ему довелось когда-нибудь узнать, что эта новая „цивилизация“ предстанет очищенной не только от копоти и сажи, но также и от всей грязи капиталистических производственных отношений.

¹ В свете этого фактора приобретают новый смысл и новый интерес слова В. Ратенау: „Уголь это не топливо, уголь — это сырье“.

² „Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обуславливает такой же переворот в других сферах“. К. Маркс, „Капитал“, т. I, гл. 13, стр. 290 (русск. изд. 1928 г.).